Юрий Алексеев

Ницца

Географический детектив

Юрий Алексеев

Ницца

«Автор»
2026

Алексеев Ю. А.

Ницца / Ю. А. Алексеев — «Автор», 2026

Лазурное побережье, роскошные виллы, аромат цветущих садов и бескрайняя синева Средиземного моря. Кажется, в Ницце невозможно представить себе ничего страшнее разбитого сердца. Но за ослепительной красотой этого города скрываются тайны, способные разрушить целую семью.После трагической гибели мужа Жаки пытается начать жизнь заново. Однако известие о загадочном падении сестры с балкона заставляет её вернуться в Ниццу — город, где много лет назад погибла её мать.Случайность или преступление? Чем глубже Жаки погружается в прошлое, тем отчётливее понимает: события, разделённые десятилетиями, связаны невидимой нитью.Когда под угрозой оказываются её собственные дети, расследование превращается в отчаянную борьбу за жизнь.Но самое страшное открытие ждёт Жаки там, где она меньше всего ожидает встретить врага.«Ницца» — атмосферный психологический детектив о семейных тайнах, ревности и преступлениях, над которыми время не властно.

© Алексеев Ю. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 22
Глава 7 24
Глава 8 27
Глава 9 29
Глава 10 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Юрий Алексеев
Ницца

НИЦЦА

Глава 1

— Нет, не этот, — сказала Жаки самой себе и сослала флакончик жасминового масла в левый ряд. Запах был слишком властен, слишком уверен в своем праве на первую скрипку. Оставалась лесная жимолость — сладкая, но не столь крикливая, как ее душистые родственницы.

Она медленно провела носом вдоль пробки. Рождение новых духов всегда начиналось с этой почти невесомой охоты: поймать запах на лету, прежде чем он успеет назваться. Теперь ей требовалась свежая нота — такая, будто весну можно заключить в стекло, а потом легким нажатием распылить по коже. Этот разведочный миг был важнее всех последующих расчетов. Жаки доверялась интуиции, и за долгие годы та ни разу не солгала ей.

Где-то за пределами ее пахучего мира глухо задрожал телефон. Как всегда, она оставила зов без ответа. Те, кто знал Жаки, знали и другое: во время сеанса запахов она исчезала для людей. Чтобы различить тончайшие оттенки, нужно было сосредоточиться так, словно весь мир сузился до прозрачного горлышка флакона.

Она прибавила музыку и запела вместе с Kool & The Gang — «Cherish».

Потом взяла пипетку и осторожно втянула каплю эфирного масла. Телефон снова приглушенно зажужжал. А вдруг школа, внезапно подумала Жаки. Дюко свалился с лазалки или Корнели заперлась в туалете.

Она поспешно нырнула рукой в сумку и зашарила среди ключей, бумажных платков, липких конфет и кассовых чеков — всей этой мелкой археологии материнской жизни. Как некоторым женщинам удавалось содержать сумочку в порядке, оставалось для нее тайной из разряда вечных. Когда телефон наконец всплыл со дна, звонок оборвался. Номер был скрыт. Наверняка очередной оператор собирался осчастливить ее особенно выгодным тарифом.

Раздраженная, Жаки слишком резко положила телефон на стол. Элис встревоженно подняла глаза от выстроенных перед ней флаконов — маленького стеклянного войска. Уже много лет она ведала в семейной фирме мужскими ароматами.

— Что-то случилось?

— Какой-то продавец меня преследует, — сказала Жаки и отодвинула телефон еще дальше. — Терпеть не могу, когда так навязываются.

— О, это невыносимо, — согласилась Элис и вдохнула запах из мисочки с кофейными зернами: лучшего способа вернуть обонянию первоначальную белизну пока не придумали. — Я тоже больше не умею отвечать им вежливо.

— Это, в сущности, психологическое насилие.

Элис рассмеялась.

— Придумай хештег.

— Как тебе #никакихзвонков? Взлетит не хуже #metoo, — сказала Жаки и снова придвинула жасминовое масло.

Но едва пипетка коснулась горлышка, телефон опять завибрировал. На этот раз пришло сообщение.

ICI ALBERT. POUVEZ VOUS ME RAPPELER? VITE! — стояло там заглавными буквами, а ниже был французский номер.

Альбер? Она не разговаривала с ним уже, наверное, полгода.

— Мне нужно ответить, — сказала она Элис и, чтобы не мешать, вышла на балкон.

Раннее сентябрьское солнце склонилось над каналом так низко, что вода обрела чеканное золотое лицо. Почти пятнадцать лет парфюмерная мастерская жила в Делфте, и скромная, не настаивающая на себе красота городка по-прежнему питала воображение Жаки. Три аромата она назвала в его честь. За границей лучше всех все еще продавался Deep Blue.

— Альбер? — спросила она, услышав, что трубку сняли сразу. — Это Жаки.

— Как хорошо слышать твой голос, — быстро заговорил он по-французски.

— Да, столько времени прошло с тех пор, как мы…

— Я не знаю, как тебе сказать, — перебил он.

Порыв ветра погладил ее по лицу.

— Что случилось?

— Это ужасно. — Голос его дважды сорвался. — Просто ужасно.

— Господи, Альбер, что произошло?

В трубке образовалась тишина; затем из нее донесся глубокий, словно поднятый со дна, вздох.

— Альбер?

— Кристин.

Во рту у нее пересохло.

— Что с ней?

Он дышал, но молчал. Казалось, он плачет.

— Ну же, Альбер, скажи. Что с Крис?

Он сглотнул.

— Она… она в коме.

Несмотря на утреннее солнце, по спине Жаки скользнул холодок.

— Жаки?

Она знала, что должна ответить, но не могла отыскать ни единого слова. Будто невидимая губка прошлась по памяти и стерла из нее все языки.

— Жаки, ты еще здесь?

Альбер заговорил еще быстрее. Французская речь перешла в нисуазский говор. Жаки понимала его, хотя ничего не хотела слышать. Отдельные обрывки застревали в сознании: падение с балкона вчера вечером, во время праздника; сломанное ребро; скорая, оказавшаяся рядом; Кристин в Polyclinique Saint George — действительно лучшей клинике города; и она все никак не приходит в себя.

Возможно, после этого она еще слушала; впоследствии Жаки не могла поручиться. Время замедлилось, а голос Альбера наливался тяжестью, словно опускался под воду. Ее мысли, спасаясь, поплыли к удлиняющимся теням деревьев. Скоро листья утратят последнюю связь с ветвями. Корнели снова будет собирать каштаны, а Дюко — без устали рассекать велосипедом лужи. Надо скорее достать из шкафа куртки, иначе дети немедленно подхватят первую осеннюю простуду.

— Жаки? — уже почти кричал Альбер. — Ты вообще меня слушаешь?

У нее закружилась голова.

— Я перезвоню.

Он еще говорил, но Жаки прервала звонок. Она цеплялась за близкую осень: за листья, которым предстояло окраситься и погибнуть, за внезапные пуговки грибов, за запах мокрой земли и сухой треск каминного огня. Однако больничная койка проступала все резче и малопомалу вытесняла осень. Кристин лежала среди трубок и попискивающих аппаратов; над ней склонялись врачи с одинаково озабоченными лицами, а тело темнело синяками и запекшейся кровью. Жаки закрыла лицо руками. Нет. Только не Крис.

Стук по стеклу дошел до нее не сразу.

— Все в порядке? — глухо донесся голос Элис из-за двери.

Жаки покачала головой и впустила ее.

— Кристин в коме.

— Ах, милая, иди ко мне. — Большие мягкие руки Элис обернулись вокруг нее теплым шарфом. — Какой ужас. И это тоже выпало вам. Сколько несчастий способен вынести один человек?

В шерсти джемпера Элис прятался слабый запах роз, а ровное дыхание действовало успокаивающе; и все же Жаки высвободилась. Жалость стесняла ее, словно слишком тесная одежда. Она давно знала: утраты распределены несправедливо, и печаль в жизни куда чаще бывает правилом, чем счастье.

— Надо сказать Эме.

— Да, конечно. — Элис отступила на шаг. — Держись.

Жаки быстро вышла из мастерской, и в коридоре мысли сорвались с места и понеслись вскачь. Крис нуждалась в ней. Нельзя оставлять сестру одну в этом больничном, обезличенном ужасе; надо ехать немедленно. Сегодня же увидеть врачей и узнать, что еще можно сделать.

Она ускорила шаг. Альбер найдет, где переночевать. Если успеть на дневной рейс KLM, к четырем она будет там. Вещи собирать незачем — все можно купить на месте.

Не постучав, Жаки распахнула дверь кабинета Эме. Тетя сидела за письменным столом в белом шелковом платье; волосы были собраны с той безукоризненностью, которая сама по себе казалась упреком беспорядку мира. Рядом, на табурете, устроилась ее секретарь Тинеке. Обе недовольно подняли головы.

— Ты можешь какое-то время присмотреть за детьми? — спросила Жаки, не сходя с порога. — Мне нужно уехать. Сейчас.

Эме встала и положила обе ладони на стол. В темных глазах мелькнула тревога.

— Деточка, разумеется. Никаких проблем. Всегда. С радостью, ты же знаешь. Но куда тебе вдруг понадобилось?

Жаки глубоко вдохнула.

— Кристин в коме. Я лечу в Ниццу.

Глава 2

Жаки дождалась, пока пожилая женщина докрасит губы и покинет уборную, и лишь тогда приблизилась к зеркалу. Отражение оказалось беспощадным. Усталость провела по лицу глубокие борозды; пепельные тени под глазами приглушили их голубизну, а седина, отчетливо проступившая среди светлых волос, довершала эту невеселую работу времени.

Она тронула ресницы тушью, подвела глаза, но отражение почти не переменилось. После смерти Томаса, два года назад, горе вселилось в самые поры ее кожи и, казалось, уже не собиралось съезжать. Жаки поспешно окутала себя облачком «Жасминовой лазури» и вернулась в зал прилета.

Альбер — многолетний верный коллега и лучший друг Крис — обещал ее встретить, но словно растворился среди прилетевших и встречающих. Жаки встала ровно посередине зала, откуда могла видеть всякого, кто приближался к ней.

Она не была здесь, пожалуй, восемь лет. Жаки старалась приезжать как можно реже, что было не слишком удобно: их фабрика находилась совсем рядом, в Грасе. Обычно она отправляла сюда Эме или Элис — деловая жилка у обеих была крепче. Для работы носа присутствие тоже не требовалось: образцы могли ежедневно летать в Делфт без нее. Кристин неизменно жаловалась, что сестра не навещает ее в Ницце; к счастью, сама Крис достаточно часто прилетала в Нидерланды.

Как же ей хотелось поскорее попасть в больницу. Где носит Альбера? Без четверти пять. Пока еще можно застать специалистов; немного погодя город сядет ужинать, и священный этот обряд сделает всех недосягаемыми. Она достала телефон, собираясь снова набрать Альбера, но тут на ее руку легла теплая ладонь. Жаки вздрогнула и обернулась.

— Мадам Дюран? — спросил невысокий лысеющий мужчина со вспотевшим лбом. На рубашке желтели влажные пятна. — Вы говорите по-французски?

Ей ужасно хотелось ответить по-английски, будто она не поняла ни слова. Язык детства был ей ненавистен — слишком многое в нем помнило за нее. Однако измученный жарой мужчина вызвал жалость, и Жаки призналась: говорит она, быть может, не слишком складно, зато понимает без труда.

Он заметно успокоился и сразу объяснил: Альбер хотел приехать сам, но его задержали покупатели, никак не способные решить, брать ли квартиру на Английской набережной.

— Багажа нет? — спросил мужчина, оглядываясь.

— Нет. Я уезжала в большой спешке.

— Ну да, конечно. — Он словно вновь вспомнил, зачем она прилетела. — Ваша бедная сестра. Какой ужас. Я немедленно отвезу вас в больницу. Такси совсем рядом.

Они поспешили к выходу; мужчина семенил на два шага впереди. Почти переходя на бег и помогая рассказу проворными руками, он объяснял, что часто возит клиентов агентства Кристин.

— Такая славная женщина. Какое страшное несчастье.

Двери раздвинулись, и навстречу пахнуло теплой Ниццей. Сперва пришел соленый воздух — невесомая дымка, лежавшая поверх всех прочих запахов. Под ним обнаружились перезрелые фрукты, тонкое дыхание бугенвиллеи, сладковатый автомобильный чад и, глубоко на дне, прохладная лавандовая нота. Жаки удивилась мгновенности узнавания. Основные аккорды города, видно, не менялись никогда.

Мужчина внезапно повернулся и вытер лоб.

— Простите, я ведь даже не представился. Пьер Морель.

— Жаклин Дюран. — Она протянула руку. — Морель — здешняя фамилия, верно?

Пьер кивнул.

— Бабушка была итальянкой, но остальные в нашей семье живут здесь много веков.

Она могла бы сказать: «Моя тоже», — но не желала даже случайным словом причислить себя к местным. Ницца была городом ее детства, но родиной так и не стала.

— И вам по-прежнему нравится здесь жить? — спросила она с возможно большим интересом, желая успокоить нервного мужчину.

Он прищелкнул языком и покачал головой.

— Нет, нет. Ницца изменилась. Это уже не мой город.

Прежде чем Жаки успела спросить почему, Пьер распахнул дверцу такси. Из салона лениво выплыло сигаретное облако. Ее все еще удивляла невинная непринужденность, с которой нисуазцы курили повсюду, словно табачный дым был одной из городских стихий.

Она устроилась сзади, сообщила Эме, что благополучно прилетела, и откинулась на сиденье. За окном не узнавалось ничего. Аэропорт превратился в беспорядочную ярмарку гудков: такси, экскаваторы, бетономешалки и потерянные туристы в крошечных прокатных автомобилях мешались в одном пыльном водовороте. Пьер ворчал и протискивался между ограждениями.

— Опять прокладывают трамвай. Мэр обещал управиться за два года. Чепуха, конечно. Мы мучаемся уже вечность, — ворчал он. — Даже по Английской набережной вдоль моря не проехать: все перекопано.

Жаки пожала плечами.

— Мне все равно. Лишь бы скорее в больницу.

— Разумеется. Через десять минут будем там. — Он немедленно посигналил водителю, который на мгновение замешкался, трогаясь, и включил кондиционер на полную мощность. — А знаете, отчего набережная называется Английской?

Разумеется, она знала. Отец позаботился, чтобы в детстве Жаки вызубрила историю Ниццы. «Ла-Пром» была названа в честь англичан, которые ее и устроили. Но Жаки сказала, что понятия не имеет, и стала надеяться на обстоятельный рассказ: чужая речь позволяла ей хотя бы ненадолго укрыться в молчании.

Пьер охотно заговорил о богатых англичанах, облюбовавших Ниццу в конце девятнадцатого века, а Жаки думала о реанимации, куда вскоре войдет. Слишком хорошо помнился ей настойчивый писк приборов возле кровати Томаса — механические птичьи голоса, не обещавшие весны, — приглушенный свет и властный запах дезинфекции. Сумеет ли она пройти через это еще раз? Впрочем, вопрос был праздным: выбора не оставалось.

— Поэтому здесь и сохранилось столько великолепных домов Прекрасной эпохи, — закончил Пьер. Несмотря на ледяное дыхание вентиляции, по его шее продолжала ползти прозрачная капля пота.

— Очень интересно, — сказала Жаки и вдруг поняла, что совершенно не узнает район. Тускло-желтые многоэтажки, спутниковые тарелки, неряшливые лавочки, мужчины, сбившиеся на улицах в небольшие неподвижные группы. Дорога была избита выбоинами, и машину швыряло из одной ямы в другую. — Где мы?

— Рядом с Сите-де-л'Ариан, — ответил Пьер, едва увернувшись от дряхлого фургона. — Клиника Сен-Жорж за углом.

— Сите-де-л'Ариан? — Желудок у нее сжался. В детстве этот квартал был для нее закрашенным участком карты: отец строжайше запрещал даже приближаться к нему. — Значит, вы пропустили съезд с автострады.

— Нет-нет, все в порядке. Там объезд. Сейчас выберемся, — уверял он, но побелевшие костяшки на руле опровергали каждое его слово.

Фургон проскочил на красный. Пьер ударил по тормозам; такси скользнуло по уличному мусору, задело задними колесами высокий бордюр и замерло у самой зебры.

Жаки вцепилась в ручку. Двое парней, бездельничавших на скамье у табачного бара, тотчас поднялись и уставились на машину.

— Вы уверены, что все нормально? — спросила она, коснувшись плеча Пьера.

— Совершенно. — Он торопливо включил радио. Салон наполнил бодрый голос Жюльена Клерка. — Никаких проблем.

— Точно? — Жаки пыталась поймать его взгляд в зеркале, но Пьер смотрел прямо перед собой. Лицо налилось красным, а мокрые усы уныло обвисли.

— Конечно. Видите, уже зеленый. — Пьер указал на светофор и нажал на газ. Двигатель кашлянул, словно подавился, и умолк. Сзади немедленно раздался гудок. Парни натянули капюшоны и направились к ним.

— Проклятье, — пробормотал Пьер; теперь паника проступила и в его голосе. Он снова повернул ключ. Двигатель не отозвался.

Потянуло горелым бензином. Дыхание Жаки стало частым и мелким. До парней оставалось метров десять. Она вдавила кнопку замка, потянулась запереть другую дверь — и отпрянула. Из ниоткуда возник трескучий мотороллер и остановился вплотную к окну. Короткий стук по стеклу, рывок — дверь распахнулась. В салон просунулась черная голова в шлеме с опущенным забралом.

— Сюда, — глухо приказал он, хватая сумку. — Деньги.

— Ничего ты не получишь! — Она вцепилась в ремень. — Отпусти.

Он оказался проворнее и вырвал сумку.

— Телефон. Живо!

Жаки дрожала, сжимая телефон, а потом закричала во весь голос:

— Отстань! Убирайся!

Парень вдруг полез на заднее сиденье. От него пахнуло затхлым дымом. Прежде чем Жаки поняла, что происходит, он ударил ее по лицу и выхватил телефон.

Теперь закричал и Пьер. Нападавший на мгновение заколебался, затем выскочил, захлопнул дверь и умчался, быстро уменьшившись до черной точки. Один из парней в капюшонах бросился следом. Другой остановился у водительской двери и показал Пьеру, чтобы тот опустил стекло.

— Не надо! Не открывайте! — вскрикнула Жаки, с изумлением слыша чужую высоту собственного голоса. Адреналин обжигал тело, щека пылала. — Заводите эту проклятую машину!

Пьер попробовал снова, сообщил очевидное — двигатель не работает — и все-таки опустил окно.

Кровь тяжело стучала у Жаки в горле, словно там билось второе сердце.

— Осторожно!

— Чего тебе? — крикнул Пьер.

Парень отступил.

— Спокойно, месье. Я только хотел помочь. Мы увидели, что машина не заводится. Я автомеханик.

Глава 3

— Ограбили прямо в машине? Не может быть! — Альбер держал Жаки за обе руки и с недоверием переводил взгляд с нее на Пьера. — Среди бела дня?

Они стояли на больничных ступенях под солнцем, которое жгло без тени сострадания. Рубашка Пьера промокла от пота; он безуспешно стирал со лба капли, и на месте каждой тотчас возникала новая.

— Ужасно. Все произошло молниеносно. Они знали свое дело: несколько секунд — и все исчезло.

— Невероятно. И тебя еще ударили. Вы, должно быть, страшно испугались? — Альбер осторожно коснулся ее саднящей щеки. От его руки пахло кремом «Дюрандия» и легким винным духом.

— Конечно. Но мы живы, — коротко ответила она. Ей хотелось внутрь, к Кристин. Час уже был потерян, а врачей еще предстояло застать прежде, чем больница закроется своей вечерней раковиной.

Но Пьер уже пустился в обстоятельный пересказ происшествия, наслаждаясь каждой подробностью, и сообщил, что сумку и телефон, к счастью, удалось вернуть.

— Немного пострадали, но все работает. Правда, мадам?

Она кивнула.

— Может, теперь войдем?

Он словно не расслышал вопроса и продолжил: какой-то молодой прохожий бросился за грабителями; догнать их не сумел, зато беглецы выронили добычу.

— Славный парень, сразу все принес обратно. И приятель его помог — заставил машину снова ожить.

Альбер провел рукой по темным кудрям.

— Вот это история. А где, говоришь, случилось?

Прежде чем Пьер успел назвать район, за его спиной взвыл автомобильный гудок. За такси уже вырос короткий сердитый хвост машин. Пьер примирительно поднял обе руки.

— Мне пора. Сейчас поеду в полицию. Позвоню позже.

Пьер побежал к машине и, взвизгнув шинами, покинул больничный двор. Жаки и Альбер вошли внутрь. Холл гудел людскими голосами: часы посещения, судя по всему, только начались.

— Ну и день. Но я ужасно рад, что ты приехала. — Альбер обнял ее; острый локоть ткнулся ей в бок. Он стал еще тоньше, почти графичнее, чем она помнила. — Она на пятом. Поднимемся на лифте.

— Нет, не получится.

Между его бровями пролегла глубокая складка; серо-зеленые глаза вопросительно остановились на ней. Теперь Жаки снова поняла, почему Кристин находила его похожим на Бенедикта Камбербэтча, — только на более тщательно выглаженную версию знаменитого актера. Даже к исходу жаркого рабочего дня светло-серый льняной костюм Альбера хранил безупречные складки.

— Ах да, милая, конечно. Клаустрофобия, как у твоей сестры. Пойдем по лестнице.

Он распахнул перед ней дверь.

— Должно быть, тяжело бояться тесных помещений.

— Я другой жизни не знаю. — Она не прибавила, что страх оказаться взаперти появился у обеих сестер после смерти матери. Психотерапевт назвал его эхом тяжелой травмы. — Хорошо хоть летать могу.

Альбер рассмеялся.

— Да, дорогая, так можно оправдать что угодно.

Пока они поднимались, Альбер рассказал, что Кристин невероятно повезло: падение смягчил выступавший навес. За последние часы ее состояние почти не изменилось. Она оставалась в коме; врачи обнаружили отек мозга, сломанное ребро и рану на плече.

— Мне позвонили среди ночи. Видимо, мой номер записан у нее как экстренный. Ришар сразу проснулся. Я оказался здесь еще до скорой. Все утро просидел у ее кровати, но после обеда пришлось ненадолго уехать по работе.

— Конечно. Спасибо, — слегка задыхаясь, сказала Жаки на пятом этаже. — О выздоровлении что-нибудь говорят?

Он покачал головой.

— Думаю, ждали родственников. То есть тебя.

В коридоре реанимации ее взгляд зацепился за статуэтку Девы Марии. В нише теплилась маленькая свеча; голубой плащ с золотой каймой мерцал в зыбком свете. Челюсти Жаки напряглись. Она уже бывала здесь — место внезапно узнало ее прежде, чем она узнала его. Дыхание участилось. Когда-то, в детстве, она тоже ставила сюда свечи.

— Что с тобой? — Альбер взял ее за руку. — Ты вся дрожишь.

Она прислонилась к стене и попыталась выровнять дыхание. Голову пронзила острая боль; кожу мгновенно покрыл холодный пот.

— Хочешь сесть?

Жаки отмахнулась.

— Все хорошо. Просто нервы.

Альбер успокаивающе провел ладонью по ее спине и принялся говорить о Крис: бояться встречи не нужно, сестра лежит спокойно, боли не чувствует, а лицо совсем не пострадало.

Жаки не стала объяснять, что легкий приступ паники вызван не Кристин, а внезапным воспоминанием о матери. Та лежала здесь же. Теперь Жаки знала это наверняка. Ей было всего четыре года, но от того дня в памяти остались яркие, острые обломки.

— Спасибо, Альбер. — Она глубоко вздохнула. — Пойдем дальше.

Он продолжал поглядывать на нее искоса, пока они шли по длинному коридору. Навстречу вспыхивали осколки узнавания: низкий ряд белых плиток — ровно на высоте глаз четырехлетней девочки; узкие потолочные лампы, разливавшие желтоватый свет; неистребимая смесь запахов крови и дешевого мыла. За сорок лет коридор почти не научился стареть.

Медсестра приветливо улыбнулась. У двери в конце коридора они остановились.

— Готова?

Жаки кивнула и сама толкнула дверь. Сестра спокойно лежала на спине. Чуть тронутая загаром кожа, слабый румянец; тщательно расчесанные светлые волосы разложены по подушке золотистым веером. Казалось, Кристин всего лишь задремала после обеда у бассейна. К счастью, аппарат не дышал за нее: только маленький датчик пульса обнимал палец.

Жаки придвинула стул, села у кровати и взяла тонкую руку Крис. Кожа была теплой; она осторожно погладила сестрины пальцы, словно перебирала хрупкие клавиши.

— Оставить вас вдвоем? — спросил Альбер с порога. — Подожду в коридоре.

— Пожалуйста.

Когда дверь за Альбером закрылась, Жаки наклонилась и поцеловала Крис в лоб.

— Глупышка, как же ты меня напугала.

На мгновение ей показалось, что длинные ресницы дрогнули в ответ, но сестра снова замерла в огромной постели. И вдруг Жаки, сама не понимая, откуда память достала эту мелодию, почти бессознательно запела старую песню Джонни Холлидея.

Совсем тихо, как когда-то пел отец, она напевала о Кристин Жоли, мечтавшей летать по ночам и ненадолго заглянуть в рай.

Продолжая напевать, Жаки положила голову на простыню и почувствовала ровное дыхание старшей сестры. Впервые за весь день напряжение стало медленно уходить из тела. Она добралась. Она была рядом. И теперь сделает все, чтобы Кристин поправилась.

Глава 4

— Итак, вы Жаклин Дюран? — прогремел пожилой мужчина с внушительным животом и распахнутым врачебным халатом.

Жаки вздрогнула и резко выпрямилась: должно быть, сон ненадолго смежил ей веки.

— Да, верно.

— Сестра. Сходство заметно. — Он придвинул табурет и, не потрудившись представиться, начал рубленый отчет. — Только что сделали МРТ. Картина скорее благоприятная. Незначительный перелом основания черепа, небольшой отек. Справа сломано ребро, но легкое не повреждено. Рану оперировать не требуется. Пока мы поддерживаем медикаментозный сон: покой сейчас работает на выздоровление. Полагаю, ваша сестра очнется в течение тридцати шести часов.

— Значит, новости хорошие? — растерянно спросила Жаки, оглушенная этой медицинской дробью.

Он кивнул.

— Учитывая высоту падения — безусловно.

— Она поправится?

— Не вижу причин сомневаться в полном восстановлении. — Врач уже поднялся. — Еще вопросы?

«Сотня», — хотелось крикнуть ей, однако ни один вопрос не желал облекаться в слова. Осталось лишь глубокое, почти болезненное облегчение. Все будет хорошо. Прочее внезапно стало мелким и неважным.

— Нет, все ясно.

— Прекрасно. Увидимся утром. Загляну около половины десятого.

У двери он неожиданно обернулся.

— Мы еще проверяем кровь: алкоголь и другие возможные факторы. Завтра будут результаты. Она действительно часто выпивала?

Жаки передернуло от самого намека, и она тотчас ощутила необходимость защитить сестру.

— Алкоголь — очень умеренно, — поспешно сказала она, хотя полной уверенности не было: Кристин не слишком охотно рассказывала о своей ночной жизни в Ницце.

— Странно. — Врач поднял брови. — Отчего же тогда она упала?

Пораженная тем, что сама еще не задала этот вопрос, Жаки ответила:

— Может быть, споткнулась?

— Возможно. — Он неопределенно пожал плечами и указал на тумбочку. — Там лежат личные вещи.

Прежде чем Жаки успела поблагодарить его, врач уже исчез. В тумбочке обнаружился красный клатч — «Шанель», разумеется. Уже много лет Кристин не признавала никакой другой марки. К счастью, агентство недвижимости приносило ей превосходный доход.

Жаки чувствовала себя лазутчицей, забравшейся в маленькую частную страну старшей сестры, но сумочку все же открыла. Разряженный айфон, миниатюрный флакон «Темной лазури», коробочка драже «Тик-так» и красная помада — тоже «Шанель», разумеется.

— Думаю, тебе это пригодится, — прошептала она и сосредоточенно накрасила полные губы Крис. Затем распылила немного духов. По комнате медленно разошелся глубокий мускусный аромат. Сестра предпочитала тяжелые запахи и вообще любила безупречность: лицо без помады казалось ей неодетым, даже в часы отдыха она носила элегантные вещи. Рядом с ней Жаки неизменно чувствовала себя растрепанной школьницей. Сегодняшние джинсы и белую

блузку Крис наверняка назвала бы «типично голландскими», хотя смысл этого определения всегда оставался туманным.

Жаки мягко массировала ее руки и перебирала кольца. По три на каждой; сама она носила только обручальное. Почти на все сестры смотрели с противоположных берегов, и тем удивительнее была близость, упрямо сохранявшаяся вопреки расстоянию. Они звонили друг другу почти каждый день.

После короткого стука в комнату, говоря на ходу, вошел Альбер.

— Только что встретил врача. Он настроен довольно бодро… О, милая, она снова красавица. Прекрасная работа, Крис бы одобрила. И вижу, ты нашла клатч.

Жаки почему-то почувствовала себя пойманной на месте преступления и поспешно вернула сумочку в тумбочку.

— Там почти ничего нет.

— Верно. Сотрудники скорой сунули сумочку мне в руки, и я на всякий случай извлек оттуда вот это. — Из внутреннего кармана он достал черный баллончик.

— Что это?

— Перцовый спрей.

— Зачем он ей?

— Я надеялся, ты знаешь.

— Понятия не имею. Она ничего не боится. Разве это законно?

— Во Франции — да. Одна из немногих стран Европы. Иногда мне кажется, что здесь все слегка тронулись.

Жаки улыбнулась. Вечно недовольный Альбер был забавен.

— Надеюсь, скоро спросим у нее самой.

— Непременно. А пока баллончик побудет у меня. — Он окинул комнату быстрым хозяйским взглядом, словно искал, нельзя ли еще что-нибудь поправить или устроить, ничего не обнаружил и направился к двери. — Пойдем?

— Уже?

— После семи. Объявили конец посещений.

Ей хотелось остаться навсегда, но, возможно, разумнее было уйти. Сейчас она все равно ничем не могла помочь; к тому же требовалось забрать чистые вещи из квартиры Крис. Жаки поцеловала сестру и вышла вместе с Альбером. На статуэтку Марии она не посмотрела: в голове и без того толпилось слишком много мыслей, и для сложных воспоминаний там не осталось ни единого свободного стула.

— У тебя есть ключ от ее квартиры? — спросила Жаки на лестнице.

Альбер помахал перед ее носом пушистым брелоком.

— Я так и думал, что ты захочешь зайти.

Она потянулась за связкой, но он показал еще один ключ.

— Красный — от твоей студии. Я решил, что ночевать сейчас у Кристин тебе будет не по себе, и договорился со своей давней подругой Розали. Она женщина сумасбродная, но добрая — сама увидишь. Обычно студию она сдает через сервис краткосрочной аренды. К счастью, сейчас та свободна.

Жаки взяла ключи и поцеловала его.

— Спасибо. За все.

— Я мало на что гожусь, но устраивать чужую жизнь по полочкам умею.

— Да ты величайший распорядитель на свете. — Она легонько толкнула его локтем. — Кристин без тебя и секунды не обойдется. Ты и сам это знаешь.

Он расплылся в улыбке и открыл дверь.

— Скутер слева. Подвезу тебя.

Теплый вечерний воздух оказался спасением после неистового больничного кондиционера. Они наискось пересекли стоянку, и Жаки вдруг поняла, что еще никогда не оставалась с Альбером наедине так долго. Прежде он казался ей немного странным, но теперь становилось понятно, почему Кристин была к нему так привязана. Внутри этот нескладный человек был собран удивительно ладно: добрый, смешной, участливый и даже по-своему привлекательный. Неудивительно, что Ришар так ему доверял.

Альбер освободил скутер от замка, уже собирался запустить мотор, но внезапно обернулся.

— Знаешь, что странно?

Жаки покачала головой и села сзади.

— Говори.

— В сумочке не было ключей от дома.

— Может, она собиралась ночевать у Ксавье. Или он уже не ее парень?

— Ее, — ответил Альбер, заводя мотор. — Но собственные ключи все равно берут с собой.

— Значит, просто забыла. — Жаки обхватила его за талию, когда скутер мягко рванул с места.

Но когда они свернули на авеню де Римье, Жаки уже знала: Альбер думает о том же. Крис никогда ничего не забывала. Отсутствующие ключи были маленькой неправильной деталью, от которой начинала перекашиваться вся картина.

Глава 5

— Студия за углом, — указал Альбер. — Сейчас пришлю адрес.

— Хорошо. До завтра! — крикнула Жаки и продолжала махать, пока Альбер не исчез за углом. Затем толкнула тяжелую деревянную дверь.

В прохладном мраморном вестибюле она нащупала выключатель. К концу сентября темнота уже начинала приходить неприлично рано. Вспыхнувшая люстра рассеяла вокруг молочный свет. Жаки миновала чугунную клетку лифта и стала подниматься по широкой лестнице красного дерева. Несмотря на клаустрофобию, Кристин несколько лет назад приобрела квартиру на пятом этаже, с видом на воду. Как риелтор она отлично знала: в Ницце море за окном — главный довод любой недвижимости.

Ладонь Жаки скользила по старым перилам. Дома конца девятнадцатого века все еще умели дышать роскошью. Фрески, лепные завитки и каменные гирлянды вспоминали богатых и знатных зимовщиков, хотя дух исключительности давно собрал чемоданы и покинул город.

Дверь квартиры поддалась не сразу, а когда открылась, Жаки мгновенно вдохнула мир Кристин: цветущие лилии, знакомые духи, чуть подгнившее дерево, воск старинного материнского бюро и слабый кухонный след лука. Сестра редко ела дома, но неизменно держала запас основных продуктов. Их присутствие успокаивало ее ностальгию и напоминало об отце, который когда-то каждый вечер готовил обстоятельный ужин, хотя сама Жаки почти этого не помнила.

Она распахнула ставни и зажгла свет. Странно было ходить по безукоризненно прибранной квартире, населенной прекрасными вещами из прошлого, и не ощущать веселой энергии хозяйки. Альбер угадал верно: без сестры Жаки не смогла бы здесь остаться.

Она взбила диванные подушки, проверила холодильник, выбросила йогурт и гнилые яблоки, а полный мусорный пакет поставила у двери.

В ванной собрала туалетные принадлежности. Нашла дорожную сумку и положила туда белье, халат и ночную рубашку для Крис; себе — тапочки, чистые футболки и два платья. Сестра была чуть выше, но обе по-прежнему носили тридцать восьмой размер. Жаки добавила красный купальник: возможно, в ближайшие дни найдется время поплавать.

У кровати стояли фотографии. Дюко и Корнели плескались в волнах у Нордвейка — надо не забыть позвонить детям и объяснить, что случилось. Рядом стоял газетный снимок Эме перед фабрикой в Грасе; на стене отчетливо читались чугунные буквы «Ла Дюрандия». Жаки улыбнулась выцветшей карточке, где они с Кристин были двумя светловолосыми девочками с хвостами, как у Пеппи Длинныйчулок.

В глубине пряталась знакомая черно-белая фотография. Жаки подняла серебряную рамку и стала всматриваться в красивую сияющую женщину в кафтане. Та свободно раскинулась на лежаке у бассейна; светлые волосы играли на ветру, а позади едва угадывался большой дом. Как могла мать выглядеть здесь такой счастливой? Жаки провела пальцем по холодному стеклу, и впервые за день глаза наполнились слезами. Боже, до чего же мучительно она все еще скучала по ней.

В прихожей внезапно опрокинулся мусорный пакет. Неужели у Крис завелись мыши? Жаки поднялась, и в ту же секунду в гостиную метнулась черная тень. Сердце ударилось о горло.

— Эй? — Послышался шорох. Она схватила зонтик. — Кто там?

Едва Жаки выставила вперед железный наконечник, в дверях появился мужчина. Она завизжала; тот испугался еще сильнее и закричал громче.

— Господи, Жаклин!

— Ксавье!

— Ты напугала меня до смерти.

Она опустила зонт; ноги еще дрожали.

— Ты меня тоже.

Несколько секунд они изучали друг друга с безопасного расстояния. Ксавье остался таким же невысоким и жизнелюбивым, с тем же симпатичным лицом и глазами, в которых постоянно пряталась улыбка. Потом оба разом расхохотались.

— Я принял тебя за вора.

— А я уже видела себя истекающей кровью в коридоре.

— В Ницце возможно все.

Они обнялись. От Ксавье пахло его любимыми сигарами «Ла-Пас»; щетина кольнула все еще чувствительную щеку.

— Хорошо, что ты здесь, — сказал Ксавье, убирая зонт. — Я пришел взять вещи для Крис.

— Я уже собрала. Завтра отвезу в больницу.

— Отлично. Тогда заберу только свое. — Он сразу ушел в спальню.

Закрывая ставни, Жаки задумалась, часто ли он здесь остается. Крис говорила, что свободные отношения на расстоянии подходят ей лучше всего, а мужчинам позволено ночевать у нее не чаще раза в неделю. Одиночество квартиры она любила как особую форму свободы.

— Ты ела? — донеслось из ванной. — Может, быстро перекусим и поговорим о Кристин?

Жаки хотела сказать, что устала и не голодна, но не решилась его огорчить.

— Хорошая мысль. В любимом месте Крис?

— Превосходно! — откликнулся он уже из шкафа.

Жаки собрала вещи, погасила свет и стала ждать у двери. Ксавье уже давно присутствовал в жизни сестры, но разговаривать с ним ей доводилось редко. Кристин берегла свободу и предпочитала приезжать в Нидерланды одна, зато нередко хвалила его безмятежный взгляд на жизнь. Эме тоже одобрила выбор: наконец-то нормальный мужчина, которого интересуют не ее деньги.

Они вышли, и Жаки заперла дверь.

— Верхний замок тоже закрой, — сказал Ксавье, указывая на засов. — В последнее время столько краж.

Спускаясь, она рассказала о нападении на такси.

— Ничуть не удивлен, — ответил он, придерживая наружную дверь. — Семья Медсенов слишком долго снабжала город мэрами. Последнего наследника занимали лишь грандиозные проекты; безопасность годами держали на задворках. Теперь Эстрози пытается что-то исправить, но преступность уже не загнать обратно в бутылку.

Жаки хотела спросить о корсиканской мафии, но Ксавье тронул ее за руку и показал на угол.

— Ты знаешь того мужчину?

Она не успела рассмотреть его: незнакомец отвернулся и исчез.

— Кажется, нет.

— Он стоял там, когда я пришел.

Жаки рассмеялась.

— Наверное, подрабатывает живой статуей.

— Я серьезно. Он смотрел прямо на окна Крис.

По спине пробежала холодная струйка. Жаки обхватила себя руками, словно могла защититься от угрозы, которой пока не умела дать имя.

Ксавье погладил ее по спине.

— Наверняка пустяки. Здесь хватает странных людей.

Она кивнула, но спокойнее не стало. Возможно, всему виной были усталость и избыток пережитого за день, однако внутренний озноб не проходил. Жаки с облегчением согласилась, когда Ксавье предложил сесть внутри кафе, а не на террасе.

Зал был полон шумно разговаривавших французов. Хозяин радостно бросился к Ксавье; они приветствовали друг друга как старые друзья, и тот сразу заговорил о несчастье Крис.

Жаки тем временем осваивала помещение носом. Первым явился чеснок; следом навалилась жирная тяжесть сливочных соусов; поверх нее время от времени проплывал рыбный запах. Обостренное обоняние порой утомляло — ни в одно помещение нельзя было войти нейтрально. Но чаще запахи успокаивали: нос создавал для нее невидимую комнату внутри комнаты, тайное убежище, о котором никто другой не подозревал.

— Держитесь, — сказал хозяин, сочувственно глядя на нее. — Ваша сестра…

Она благодарно кивнула и села на отодвинутый Ксавье стул.

— Я заказал тебе рыбный суп, местное фирменное блюдо, и розе.

— Спасибо, но вина не надо.

Он удивился, затем вспомнил.

— Конечно! Профессиональному «носу» нельзя пить. Должно быть, ужасно скучно.

— Для знатока вина вроде тебя — да. А я другого не знаю. — Она рассматривала пожелтевшие снимки на стенах: Шарль Азнавур, Синатра, Ален Делон и, разумеется, юная Брижит Бардо.

— Как же Крис на нее похожа, — сказал Ксавье, проследив за взглядом Жаки. — Ты говорила с врачом? Мне почти ничего не сообщили.

Жаки пересказала больничные новости: положение выглядело скорее благоприятным. Пока она говорила, глаза Ксавье налились слезами. Внезапно он схватил ее за руки.

— Это было страшно. Я видел, как она откинулась назад — и разом исчезла из виду.

Жаки окаменела. Он был на том празднике? Видел все? Почему она не подумала об этом раньше?

— Ты видел падение? — пробормотала она, высвобождая руки.

Ксавье кивнул; слезы потекли по щекам.

— Это было ужасно.

— Рассказывай. — Она выпрямилась; кровь быстрее побежала по жилам, щеки загорелись. — Она пила? Там было тесно? Что произошло? Потеряла равновесие? Ей стало плохо?

Ксавье замотал головой и промокнул глаза салфеткой.

— Нет, все было не так.

— А как? Ради бога, говори! — Голос прозвучал резче, чем она ожидала. Ксавье испуганно откинулся, и Жаки сама удивилась собственному нетерпению.

Обрывками он рассказал о вчерашнем вечере. Их пригласили на день рождения Алексея Волкова, русского олигарха, чья семья десятилетиями проводила лето в Ницце. В пентхаусе «Негреско» намечался декадентский праздник: море икры, шампанское и толпа ослепительных гостей.

— Кристин не хотела идти. Странно для нашей любительницы вечеринок.

Жаки кивнула: в этом они тоже отличались.

— Но был будний день.

— Здесь будний день мало что меняет. Дела продолжаются и ночью. Я настоял: там могли оказаться потенциальные клиенты. — Он теребил салфетку, превращая ее край в бахрому. — Теперь я страшно об этом жалею.

Жаки пропустила сожаление мимо ушей.

— Дальше?

— Она выглядела ослепительно. Все русские хотели с ней поговорить. Она стала звездой вечера, потом устала от внимания и вышла на балкон. Я отправился за напитками. — Ксавье не

поднимал глаз, словно салфетка могла защитить его от взгляда Жаки. — Когда я возвращался, увидел, как она падает.

— Просто так?

— Там было людно, на ней высокие каблуки. Может, поскользнулась.

Жаки дождалась, пока официант поставит суп и хлеб. Кроме рыбы пахло пастисом и острым кайенским перцем.

— Значит, нелепая случайность?

— Боюсь, да. — Он вмешал тертый грюйер.

Жаки стиснула край скатерти, чувствуя необъяснимое раздражение. Это было несправедливо, и все же ей казалось, что Ксавье подвел сестру: он должен был ее защитить.

— Потом ты спустился?

Он кивнул.

— Почти не помню. Вдруг оказался внизу, рядом с ней. Среди всей этой крови.

Жаки закрыла лицо ладонями и потерла глаза. Перед ней возникла старшая сестра, беспомощно лежащая на земле. Зачем она вообще пошла на этот русский праздник? Крис сама говорила, что не доверяет олигархам: такие состояния не наживают мягкосердечием. Потому она и взяла перцовый баллончик? Значит, все-таки чего-то боялась?

— Ты в порядке? — спросил Ксавье.

— Думаешь, она не хотела идти из страха?

Он едва не поперхнулся.

— Кристин? Боялась? Чего?

— Звучит неправдоподобно, да?

— Я бы сказал — невозможно.

— Может, что-то связанное с русскими.

— Люди неприятные, это правда. Но на вечеринке ничего странного не происходило.

Жаки попробовала суп. Соленый морской вкус разлился во рту — отец умел готовить точно такой же. Узнавание оказалось почти телесным, и напряжение начало понемногу отступать.

— Значит, несчастный случай?

— Ничего больше. И, к счастью, с хорошим концом.

Она медленно водила ложкой по кругу. Случайность была самым разумным объяснением, и все же в рассказе оставалась едва заметная трещина. Возможно, после сна мысли станут яснее; сейчас они путались, цепляясь друг за друга оборванными нитями. Жаки подняла стакан воды.

— За Кристин.

— За скорое выздоровление. — Ксавье тихо коснулся ее стакана.

Глава 6

Комната оказалась хороша: просторная, с тремя стеклянными дверями, распахивавшимися на террасу; лакированный деревянный пол, письменный стол, убранная кровать под балдахином, маленькая кухня и аккуратная ванная. Из открытых окон тянуло лавандой и еще слабым запахом кожи, хотя ни одной кожаной вещи в комнате не было.

— Ну как, подойдет? — спросила Розали, уже косясь на часы. Она успела распахнуть несколько шкафов, с рекордной скоростью объяснить устройство комнаты и теперь явно стремилась уйти. Невысокая, едва ли старше шестидесяти, с глубокими солнечными морщинами и беспокойным лицом; за эти несколько минут она трижды надела и сняла очки. И все же в ней чувствовалась хозяйка, у которой каждая мелочь устроена как следует и на которую всегда можно положиться.

— Все прекрасно. Спасибо. — Жаки пожала ей руку; кожа оказалась удивительно мягкой. — Вы меня очень выручили, особенно в такую минуту.

Розали пожала плечами.

— Все равно пустовало. Я живу на два этажа ниже, на первом. Если что-нибудь понадобится — звони.

Розали вручила ей визитку и выскользнула за дверь. Жаки немедленно задернула шторы, разделась, погасила верхний свет и упала на кровать. Подобную усталость она испытывала лишь несколько раз — когда дети были совсем маленькими и после смерти Тома. В первые месяцы она почти не спала: ей казалось, стоит закрыть глаза, и память о нем начнет выцветать быстрее, как фотография на солнце.

Как хорошо было бы сейчас почувствовать его рядом: Том размял бы ей плечи и уверил, что все непременно наладится. Все твердили, будто время умеет лечить и с годами утрату становится легче переносить. Теперь Жаки знала: время было никудышным врачом. Пустота не уменьшалась — напротив, год от года делалась глубже. Иногда ей не хотелось просыпаться, лишь бы не входить еще в один одинокий день.

И все же каждое утро она поднималась — ради Дюко и Корнели, ради желания быть хорошей матерью. Рядом с детьми она порой чувствовала неподдельную радость, пока внезапная мысль о том, что они растут без отца, снова не затемняла все вокруг. Чувствовать как можно меньше — таков был ее механизм выживания. Сегодня, после известия о Крис, привычный механизм заедал; усталость только усиливала поломку.

Телефон показывал почти половину двенадцатого. Звонки придется отложить до завтра. Жаки только написала Эме, что состояние Крис сравнительно хорошее и утром она свяжется с ней, после чего погасила лампу. Теперь существовала одна задача — уснуть и набраться сил, чтобы завтра снова быть рядом с сестрой.

Ее вырвал из сна пронзительный сигнал. Будильник? В нос ударили запахи горелой резины и едкого дыма. Жаки села одним движением. По темной комнате метался беспокойный луч фонаря.

Она закричала, размахивая руками.

К кровати двинулся человек в черном и направил свет ей прямо в лицо.

— Уходите! — крикнула она, судорожно хватая воздух.

— Мадам, спокойно!

Жаки отпрянула, увлекая простыню.

— Помогите!

— Спокойно. — Незнакомец указал на оранжевый шлем. — Пожарная служба.

Только теперь сон окончательно отпустил ее, и дыхание начало выравниваться. Во рту было сухо, словно она наглоталась пепла.

— Пожар?

Он покачал головой и сказал в микрофон шлема:

— Альфа-один. Все чисто. Спускаюсь.

Трескучий ответ велел поторопиться.

— Что произошло? Как вы вошли? — Жаки натянула простыню до подбородка.

— На тротуаре загорелся мусор, но все уже потушили. Мы на всякий случай проверили дом. Здесь безопасно, огня нигде нет. — Последние слова он произносил уже у двери.

В студию вошла Розали, зажгла верхний свет и забрала у пожарного ключи. Они быстро обменялись фразами на стремительном местном говоре. Жаки поняла немногое, но главное было ясно: опасность миновала. Сердце понемногу сбавило ход. Который же час?

— Вот это переполох, — сказала Розали, закрыла дверь и присела на край кровати. — Ты как?

— Кажется, нормально.

— Представляешь: стучат в дверь, а под окном целая пожарная команда. Я и не заметила огня.

— Здесь часто такое бывает?

— Никогда! По крайней мере, у нас, — с легким возмущением ответила она. — Район респектабельный.

— Хулиганы встречаются везде.

— Может быть. — Розали поежилась и туже запахнула халат. — Я валюсь с ног. Попробую урвать еще несколько часов сна.

Жаки глубже забралась под простыню.

— Который час?

— Немного за три. — Розали поднялась. — Кстати, я все думала о том, что ты рассказала: будто сестра споткнулась и перелетела через край балкона.

Жаки кивнула.

— Это совершенно невозможно. Ты видела ограждения в «Негреско»?

— Нет, я не знаю этот отель.

— Они не меньше полутора метров. Через такое случайно не упадешь.

— Я не знала. — Ответ прозвучал сонно; нормальный разговор был сейчас невозможен.

— На твоем месте завтра я сама осмотрела бы балкон.

— Осмотрю. Прости, но мне нужно спать. Я совсем без сил.

— Конечно. Понимаю. Поговорим утром. — Розали погасила свет и тихо закрыла дверь.

Жаки понимала, что ответила невежливо и Розали, вероятно, тревожилась совершенно искренне. Но сейчас забота казалась назойливостью. У французов всегда имелось готовое мнение обо всем на свете, а тревог ей и без того хватало. Возможно, завтра она все же зайдет в отель — просто чтобы собственными глазами увидеть место падения.

Тело наливалось тяжестью, сон уже тянул ее вниз, когда Жаки внезапно поняла: она ничего не рассказывала Розали о падении. Откуда же та узнала? Неужели ницкая машина слухов уже завертелась на полной скорости? Завтра надо выяснить, что говорят о Крис. Завтра. А сейчас — спать, приказала себе Жаки и медленно опустилась в темноту.

Глава 7

— Небольшой пожар, кража из автомобиля и человек, который, возможно, за тобой следит? — подвела Эме итог вчерашним событиям. — Вот тебе и благополучный курорт. Совсем как город третьего мира — вернее, он и есть город третьего мира. Тебе не страшно?

— Нет, как ни странно, — ответила Жаки и сама удивилась собственным словам. Страх порой еще навещал ее; случалось ей тревожиться или раздражаться. Но в последние годы чувства словно стесали свои острые края: она уже не бывала ни безутешно печальна, ни по-настоящему разгневана, ни ослепительно счастлива.

Если держать все чувства на коротком поводке, то и боль от многочисленных утрат ощущалась слабее. Способ был не слишком красивый, зато пригодный для жизни.

— И все-таки будь осторожна, — заключила Эме. В трубке послышалось, как она велит детям взять школьные сумки. — Ты сейчас поедешь в больницу?

Жаки уже подробно рассказала тетке о состоянии Крис и только что долго говорила с Корнели, однако близости почти не почувствовала. Ее домашние в Делфте были заняты привычными утренними хлопотами и не слишком вникали в то, что происходило здесь. Возможно, так было даже лучше: из Нидерландов они все равно ничем не могли помочь. Да и можно ли словами передать, что значит увидеть собственную сестру неподвижной, заключенной в кому?

— Да. Посещение начинается в девять. Я сейчас на набережной и сперва хотела немного поплавать.

— Там все еще хорошая погода?

— Чудесная. — Жаки посмотрела вдоль длинного променада. Бегуны, старики с собачками, скейтбордисты, туристы, одетые неприлично легко, и деловые люди в костюмах двигались вперемешку, словно город тасовал колоду. Ницца умудрялась быть сразу и городом, и морским курортом; пожалуй, именно это делало ее особенной. — И вода наверняка еще теплая.

— Да иду я, иду! — рассеянно крикнула Эме детям. — Прости, милая, им пора в школу. Позвонишь позже? И будь осторожна!

Жаки обещала беречь себя и убрала телефон в сумку. С некоторым трудом, пошатываясь на серо-белых камешках, она направилась к морю. Французы называли эту гальку галетами; голландским туристам, избалованным белым песком, она казалась настоящим бедствием. Жаки же знала каждый ее неловкий шаг. В первые годы после смерти матери они с Крис еще приезжали сюда на целое лето — навещать отца. Каждое утро, пока туристы не успевали появиться, все трое отправлялись плавать, как поступали многие жители Ниццы. Отец переносил Жаки через камни на руках и осторожно опускал в прибой.

Теперь она сама вошла в волны. Вода и впрямь была восхитительно теплой. Жаки легла на спину; в воздухе смешались соль и густой, почти мясистый запах гниющих водорослей. То, что тридцать пять лет назад отец внезапно отказался их принимать, было бесчеловечно — особенно после всего, что уже случилось с их матерью. Странно было думать, что этот негодяй по-прежнему жил где-то здесь, под тем же голубым небом.

Она перевернулась на живот и быстрее поплыла к следующему синему бую. Вот что делало поездку в Ниццу такой мучительной: воспоминания возвращались без приглашения и знали все ходы в ее памяти. Но она больше не станет думать ни об отце, ни о чудесных годах с матерью. То время ушло бесповоротно. Следовало смотреть на то, что еще оставалось: на детей, Крис, Эме и, конечно, работу.

Она набрала воздуха и постаралась прибавить скорость. Оставшегося было достаточно хотя бы для некоторого подобия счастья. У каждого в жизни случаются несчастья; важно лишь, как ты на них отвечаешь, всегда говорила Эме. И была права: в конце концов именно твое отношение к горю определяет, кем оно тебя сделает.

Быстрый заплыв пошел ей на пользу, и в голове стало просторнее. Гибко обогнув буй, Жаки уже хотела ускориться на обратном пути, когда заметила вдали фигуру, присевшую возле ее сумки. Неужели здесь нельзя отплыть от берега на несколько минут и не опасаться за свои вещи?

Она стиснула зубы и врезалась в волны кролем. Что этот человек себе позволяет? Дыхание стало чаще. Жаки подняла голову, но берег почти не приблизился. Мышцы ног налились неподвижной тяжестью. Течение оказалось слишком сильным: плыть к берегу наискось не удавалось, и даже казалось, будто море понемногу оттаскивает ее назад.

Она снова опустила лицо в воду и налегла сильнее, однако теперь свело плечи. Руки больше не хотели подниматься. Оставалось плыть брассом, прямо к берегу. Гребки делались все медленнее, а течение, напротив, словно набирало силу. Лишь мучительно долго спустя Жаки добралась до прибоя и, тяжело дыша, позволила волнам вынести себя на сушу.

На гальку она выползла на четвереньках. Согнувшись, долго ловила воздух и только потом сумела подойти к сумке. Разумеется, незнакомец уже исчез; вдоль самой воды его тоже не было видно. Все еще задыхаясь, Жаки спросила пожилую пару неподалеку, не заметили ли они человека возле ее вещей, но супругам ничего необычного не бросилось в глаза.

Она поспешно проверила сумку. Телефон и кошелек лежали на месте. Одежда и полотенце тоже остались нетронутыми. Может быть, ей все почудилось? Неужели предостережения Эме все-таки запали в сознание и теперь пугали ее чужими силуэтами? Не следует так легко позволять тревоге распоряжаться собой, решила Жаки.

Она быстро вытерлась и сняла мокрый купальник. Мышцы рук еще мелко дрожали, но синее летнее платье Крис все же удалось натянуть через голову. И тут Жаки уловила слабый запах старой кожи — в точности тот, что стоял вчера вечером в студии. Странно: совершенно одинаковый запах редко встречался ей дважды. Возможно, где-то поблизости находилась мастерская или фабрика, и ветер разносил ее испарения. Обычно людей Жаки чуяла раньше, чем успевала разглядеть, и запах сохранялся еще некоторое время после того, как они исчезали из виду.

С облегчением убедившись, что все вещи целы, она собрала их и вернулась на набережную. Теперь следовало поскорее найти такси, чтобы не опоздать в больницу.

— Мадам! — Старик на скамейке поманил ее рукой. — Мадам!

Жаки указала на воображаемые часы на запястье, показывая, что спешит. — Простите, месье, у меня нет времени.

Но старик с видимым трудом попытался подняться. Жаки тотчас стало стыдно, и она быстро подошла к нему. — Я могу вам чем-нибудь помочь?

Он покачал головой. — Я только хотел кое-что вам сказать.

Голос у него был старый и ломкий, точно высохшая ветка; Жаки пришлось наклониться ближе. — Я слушаю.

— Только что на пляже возле ваших вещей сидел мужчина.

— Да, я тоже видела его из воды, но вернулась слишком поздно. Очень любезно с вашей стороны сказать мне об этом. — Значит, ей не померещилось. — Вы не могли бы его описать?

Старик сделал бессильный жест. — Нет. Восходящее солнце светило прямо в глаза, я плохо его видел. Но, кажется, он ничего не взял. Просто встал и совершенно спокойно ушел.

— Да, все осталось на месте. Но спасибо вам за внимательность, — сказала Жаки и пожала ему руку. — Вы мне очень помогли. А куда он направился, вы не заметили?

Дрожащей рукой старик указал на ту часть пляжа, где Жаки только что выбралась из воды. — В сторону восточной части набережной.

Вот это было уже непонятно. Неужели незнакомец хладнокровно прошел мимо нее, пока она, обессиленная, ползла по камням? Смелости ему было не занимать. Жаки снова поблагодарила старика и вышла к краю тротуара. На этот раз удача сжалилась над ней: такси останови-

лось почти сразу, и она нырнула на заднее сиденье. — В поликлинику Сен-Жорж. Пожалуйста, как можно быстрее.

Отели на набережной замелькали за окном; туристы, нагруженные веселыми, пестрыми пляжными принадлежностями, бодро шли навстречу новому дню. Как упорно Жаки ни старалась изгнать этот город из памяти, он с тем же упорством возвращался и проникал под кожу. Отстраниться от этого единственного места на земле ей не удавалось. Будто сама Ницца не позволяла забыть все, что здесь произошло.

Жаки закрыла глаза и отдалась покачиванию старого, дребезжащего такси. Одно она знала твердо: как только Крис поправится, Жаки возьмет первый же самолет домой.

Глава 8

Жаки снова не удостоила взглядом статуэтку Девы Марии и сразу прошла в палату Крис. Здесь явно только что вымыли пол: тяжелый синтетический запах лимона еще держался в воздухе. Она убрала чистые вещи в шкаф и придвинула табурет к кровати. Крис лежала так же безмятежно, как накануне вечером.

И все же Жаки чувствовала себя неловко и не знала, что следует делать. Казалось, сестра жила теперь за звуконепроницаемой стеклянной стеной: ее можно было видеть, но нельзя было достичь. Как хотелось рассказать ей обо всем, что случилось вчера, а затем спросить, что именно произошло той ночью в «Негреско».

Жаки осторожно отделила прядь ее волос и заплела тонкую косичку. Потом, почти не думая, взялась за следующую. Подростками они часто плели друг другу такие косички. Обе мечтали о дредах, но Эме не одобряла эту затею. И все же тетка смотрела сквозь пальцы на то, что дома девочки носили волосы, разделенные на множество причудливых прядей.

Теперь Жаки прекрасно понимала, почему Эме тогда не проявляла восторга. С такими прическами они наверняка выглядели лет на пять старше и, как нежелательное приложение, привлекали внимание взрослых юношей. Став одинокой матерью, Жаки вообще начала лучше понимать то трудное положение, в котором много лет назад внезапно оказалась Эме. Бездетная женщина в одночасье стала отвечать за двух маленьких дочерей своей сестры, а где-то рядом отсутствовал отец, виртуозно уклонявшийся от всякой ответственности. Было почти чудом, с какой любовью тетка растила их все эти годы. И вдобавок сумела превратить почти разорившуюся парфюмерную лавку в процветающее дело.

— Эме передает тебе много любви, — сказала Жаки вслух и принялась за новую косичку. — Она страшно испугалась. Все испугались. Дети сегодня утром тоже спрашивали, как себя чувствует их любимая тетя.

Слова, не получив ответа, обошли палату и вернулись к ней пустым эхом. Желудок болезненно сжался. Все это было невыносимо. Жаки хотелось взвалить Крис на плечо и немедленно унести отсюда — прочь от белых стен, приборов и лимонного запаха.

— Ты должна поскорее проснуться, милая. Ты моя старшая сестра. Ты мне нужна, — продолжала она, с каждой фразой повышая голос.

Но Жаки услышала в собственном голосе отчаяние и поспешила переменить тему. — Кстати, вчера я очень мило поужинала с Ксавье.

— Вот и хорошо, что вы с ней разговариваете, — заметил врач, снова распахивая дверь без стука. — Очень важно пытаться установить связь с человеком в коме. Ему необходима осторожная стимуляция.

— Но разве ей не нужен покой? — сразу спросила Жаки. Ночью она решила вести себя с врачом настойчивее, надеясь наконец получить больше сведений. — Именно для того, чтобы суметь очнуться.

Врач остановился в изножье кровати. — Совершенно верно. Любое воздействие должно быть строго дозированным. Но восстановление вашей сестры идет настолько благополучно, что мы уже начинаем постепенно уменьшать количество поддерживающих лекарств.

— Значит, это хорошая новость? — переспросила она, словно одним вопросом можно было выторговать у будущего гарантию.

— Безусловно. Полагаю, уже завтра она станет гораздо восприимчивее к происходящему.

Жаки выдохнула и почувствовала, как напряжение медленно сползает с плеч. — А результаты анализа крови уже пришли?

Он кивнул. — Почти все показатели чистые. Обнаружен лишь след сильнодействующего снотворного. Оно могло вызвать нарушение равновесия и, следовательно, объяснить ее падение.

— Снотворного?

— Это довольно распространенное средство от бессонницы. У вашей сестры были проблемы со сном?

Жаки покачала головой и посмотрела на Крис. — Насколько я знаю, нет. Она всегда спала как ребенок.

— Возможно. Но порой выясняется, что мы знаем о близком человеке меньше, чем нам кажется. Быть может, она не хотела обременять вас своей проблемой.

— Быть может, — повторила Жаки, хотя не поверила ни единому слову. Подобными вещами они с Крис обычно делились.

Врач потер ладони. — Что ж, мне пора. Думаю, завтра мы снова увидимся. Не теряйте надежды.

— Большое спасибо, доктор…

— Ламбер, — подсказал он и протянул руку. — Простите, я решил, что ваш отец, которого я знаю уже много лет, назвал вам мое имя и…

— Я не разговаривала с отцом с девяти лет, — перебила Жаки и отняла руку. — До завтра, доктор Ламбер.

Он уставился на нее расширившимися глазами. На миг показалось, что врач собирается что-то сказать, но рассудительность одержала победу над любопытством. Ламбер коротко кивнул, повернулся и поспешно вышел из палаты.

За глазами вспыхнула резкая боль. Зачем ему понадобилось говорить об отце? Жаки отпила воды и глубоко вдохнула. Только бы не начался приступ мигрени. Она быстро стала искать в сумке таблетку. После внезапной смерти Тома приступы участились настолько, что без лекарства справиться с ними уже не удавалось. Как раз когда на дне сумки отыскалась последняя затерявшаяся таблетка, зазвонил телефон.

— Альбер.

— Доброе утро, милая. Несмотря ни на что, тебе удалось хоть немного поспать? Есть новости о сестре?

Его бодрый голос подействовал лучше любой таблетки, и Жаки убрала лекарство обратно в сумку. — Я как раз в больнице. Этот Ламбер настроен очень положительно. Он думает, что завтра Крис выйдет из комы.

В трубке раздался короткий радостный возглас. — Какое счастье!

— Да, огромное облегчение, — сказала Жаки и погладила пальцы Крис. — У тебя сегодня много дел?

— Только после обеда один показ. Хочешь вместе пообедать? Я сейчас за тобой заеду.

— Очень хочу. Но до обеда мы могли бы ненадолго заглянуть еще в одно место?

— Разумеется. К вашим услугам, миледи.

— Отлично. Тогда увидимся у больницы.

Она положила телефон в сумку и поцеловала Крис в лоб. — До второй половины дня, милая. А сейчас мне нужно кое-что для тебя выяснить.

Глава 9

Альбер оставил скутер на тротуаре, и они по красной ковровой дорожке вошли в отель. Повсюду сиял мрамор, стояла классическая мебель, старинные краски тонули в изобилии тяжелых портьер. И все же холл выглядел удивительно свежо. Возможно, потому, что здесь не пахло пылью: воздух был современным — чистым запахом только что выстиранного хлопка.

Швейцар в синем сюртуке коснулся пальцами красной шляпы с пером. — Месье, мадам. Добро пожаловать в «Негреско».

Они кивнули, и Альбер взял Жаки под руку.

— На несколько минут мы супружеская пара, — прошептал он ей на ухо. — Отчаянно ищем номер, где можно отпраздновать годовщину свадьбы.

Она тихо рассмеялась. Жаки еще не успела подумать, как им следует действовать, а у Альбера уже был готов маленький спектакль.

— И мы счастливы в браке? — спросила она.

Он изобразил оскорбленное достоинство. — Разумеется, нет. Мы все-таки французы.

Они встали у стойки рядом с шумной американской парой, и молодая сотрудница приветливо улыбнулась им. Альбер объяснил, что несколько дней назад они были на великолепном закрытом празднике семьи Волковых в одном из люксов и теперь подумывают снять его для собственного приема.

— Я понимаю, о каком номере вы говорите. Месье Волков часто у нас останавливается, — оживилась девушка. — Вероятно, это был люкс Марии-Антуанетты. Прекрасные комнаты, целиком оформленные в стиле Людовика Шестнадцатого. Какую дату вы рассматриваете?

— Где-нибудь в начале декабря. Но прежде мы хотели бы еще раз осмотреть комнаты, — произнес Альбер голосом, в котором меда было немного больше, чем требовалось.

Заметив сомнение на лице девушки, Жаки поспешила добавить: — Мы уже не можем точно вспомнить, достаточно ли там места.

Однако это пояснение не убедило сотрудницу. — Не уверена, что осмотр сейчас возможен.

— Месье Волков говорил, что, вероятно, никаких затруднений не возникнет, — тут же придумал Альбер.

Имя подействовало безотказно. Девушка энергично закивала, проверила что-то на экране и позвала консьержа. — Вам повезло: сейчас люкс свободен. Жан вас проводит.

Консьерж стремительно двинулся вперед, и им пришлось прибавить шагу. Но под огромным стеклянным куполом, опиравшимся на колонны с позолоченными листьями, Жаки все же остановилась. Однажды отец назвал этот романтический купол безвкусным сахарным тортом. Тогда она рассердилась: девочке отель казался сказочным дворцом. Теперь сравнение отца вдруг сделалось понятным. Сооружение было чистейшим китчем.

Улыбаясь собственному воспоминанию, она прошла через вестибюль. Жан и Альбер уже ждали у лифта, но Жаки жестом показала, что внутрь не войдет.

— Ах да, конечно. Простите, мы поднимемся по лестнице. Какой этаж? — спросил Альбер.

Жан на миг удивленно взглянул на него, но профессиональная невозмутимость тотчас вернулась. — Четвертый. Я пойду с вами.

Вдоль широкой лестницы современное искусство чередовалось с классическим. Перед самым четвертым этажом Жаки даже узнала полотно Дали. Они прошли по длинному коридору; в самом конце Жан распахнул двойную дверь, и они сразу вступили в море света. Люкс состоял из трех просторных комнат с огромными окнами, каждое из которых смотрело на море. Жан деликатно остался у входа, а Жаки и Альбер разыграли внимательный осмотр помещений.

— Думаю, здесь легко поместятся человек тридцать, — крикнула она из дальней комнаты. Затем открыла балконную дверь и вышла на террасу. Под палящим солнцем Жаки застыла. Горло сжалось. Розали была права: чугунная решетка действительно поднималась высоко. Через нее нельзя было просто так перевалиться.

— Ты в порядке? — спросил Альбер, встав рядом. — Странное чувство, правда? Знать, что все случилось именно здесь.

Жаки кивнула и попыталась подойти к краю, но ноги отказались двигаться. Альбер заметил ее нерешительность, ничего не сказал, сам подошел к решетке и посмотрел вниз.

— Высоко. Ей невероятно повезло. — Он встряхнул ограждение. — Крепкое и почти доходит мне до груди. Случайно через такое не падают.

Левая нога Жаки задрожала. — Ксавье уверен, что это был несчастный случай.

— При таком ограждении это кажется крайне маловероятным. Но я еще раз его спрошу. — Альбер сделал несколько снимков. — Отправлю фотографии. Может быть, они помогут ему вспомнить тот вечер.

Жан сообщил, что горничной пора приступать к уборке, и они последовали за ним в коридор. Молча спустились по лестнице, поблагодарили сотрудницу у стойки и пообещали вскоре сообщить о своем решении.

У скутера Жаки спросила Альбера, что, по его мнению, произошло.

Он покачал головой. — Честно говоря, не знаю, милая. Несчастный случай выглядит неправдоподобно, но мысль о том, что ее толкнули, кажется еще невероятнее.

— Согласна. — Жаки прикусила ноготь большого пальца — дурная привычка, неизменно возвращавшаяся, когда она напряженно размышляла. — Но тогда остается последняя версия, и она самая страшная.

Альбер испытующе посмотрел на нее и сразу отмахнулся. — Нет. Даже не думай об этом. Это совершенно бессмысленно. Крис вовсе не была подавлена.

— Обычно я сказала бы то же самое. Но я не знала ни о средстве самообороны в ее сумке, ни о том, что она пользовалась снотворным.

На лбу Альбера легла глубокая складка. — Перестань. Ты позволяешь воображению мучить тебя нелепостями.

— Но ты ведь знаешь, что моя мать…

Телефон Альбера громко зазвонил. Он достал его из внутреннего кармана. — Это Ксавье. И больше мы к этой теме не возвращаемся.

По обрывкам разговора Жаки поняла, что речь шла о каком-то возвышении на террасе, а сама тем временем смотрела вдоль набережной. Альбер был прав: не следовало придумывать пугающие объяснения. Но неизвестность раздражала почти физически — словно под кожей оставалась заноза.

Она сосредоточенно наблюдала за стаей ворон, яростно опустошавших мусорную корзину. И вдруг на противоположной стороне улицы заметила сутулого мужчину: он смотрел на птиц с таким же неподвижным вниманием. Где она его видела?

— Жаки? Ты слышала, что я сказал?

Только теперь она заметила, что Альбер уже закончил разговор. — Прости, задумалась. Рассказывай.

— Ксавье, кажется, вспомнил небольшую приподнятую площадку для танцев. Он предложил сегодня днем, во время одного приема, поговорить об этом с Волковым. Скоро пришлет тебе адрес.

Разговора с грубоватым русским Жаки хотелось меньше всего. Однако Ксавье был прав: Волков, вероятно, мог подробнее рассказать, как проходил тот вечер. — Хорошо. А пока мы ждем адрес, может быть, пообедаем?

— Прекрасная мысль. Садись сзади.

Альбер ловко вывел скутер на широкую набережную. Уже трогаясь, Жаки посмотрела через дорогу и заметила, что сутулый мужчина исчез.

Глава 10

— Как все-таки хорош правильно приготовленный салат нисуаз. Особенно соленые ломтики анчоуса — без них равновесие вкуса было бы невозможным, — сказала Жаки и снова взяла Альбера под руку. Обычно она не любила прикосновений, но Альбер создавал вокруг себя такую доверительную близость, что касаться его казалось естественным — словно он был братом, которого у нее никогда не было.

— «Франшен» умеет позволить себе простоту. Я влюблен в это место.

Они шли через переполненную площадь Массена. Когда-то Жаки часто бывала здесь, но теперь почти не узнавала ее. Площадь прекрасно обновили: на высоких столбах сидели странные разноцветные фигуры, рядом зеленел пышный парк, а в фонтане играли дети. Уличный артист заставлял прохожих танцевать, и между ними неторопливо скользил трамвай. В такие минуты Жаки понимала, почему двадцать лет назад Крис захотела вернуться в Ниццу.

— Пойдешь со мной в агентство? — спросил Альбер и помахал знакомому на противоположной стороне площади. — Может быть, Пьер свободен. Если нет, вызовем тебе такси до больницы.

Они пересекли площадь и вышли к проспекту Верден. Несколько лет назад Кристин купила здесь помещение и основательно его перестроила. Получилось своевольное сочетание скандинавского минимализма и французского шика. Здание явно нравилось ее международным клиентам: с тех пор заказов стало столько, что они едва помещались в календаре. Впрочем, помогали и чутье Крис, и ее обширные связи.

Жаки восхищалась деловой хваткой сестры. Сама она не представляла себя во главе «Дюрандия Парфюм» и была счастлива, что много лет назад эту обязанность взяла на себя Эме.

Они остановились перед домом номер семь — внушительным зданием в стиле ар-деко, втиснутым между «Эрмесом» и «Картье». На огромных окнах изящными буквами было выведено: «Дюрандия Недвижимость».

— Посмотрите, кто к нам пришел, — объявил Альбер, открывая перед Жаки дверь.

Сотрудники поднялись из-за столов и один за другим обняли ее.

— Мы все ужасно испугались, — выразила общее чувство Лиза, секретарь Кристины. — Очень надеемся, что она скоро вернется.

Жаки слышала слова, но почти не слушала. Ее отвлекал знакомый запах: ваниль, мускус и каштан на теплой основе сандалового дерева. Будто Крис по-прежнему ходила здесь между столами. Эта призрачная близость тревожила, и Жаки, желая отвлечься, спросила, какие дома сейчас находились в портфеле сестры. Лиза уже собиралась вывести фотографии на большой экран, когда в агентство вошел Пьер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.